

*Примечание переводчицы: текст можно использовать в некоммерческих целях (ЗАПРЕЩЕНО К ПРОДАЖЕ). Джережаны мои джережаны... Я молюсь на конец этой главы.*

## Глава 10.

*Жан.*

Двадцать пять минут спустя они наконец-то вырвались из лап Ханны, но уход из студии решил только одну проблему. Всё, что они отложили на потом, чтобы пережить интервью, нужно было обсудить, и Жан не упустил, как быстро улыбка Джереми исчезла, стоило им только выйти из этого проклятого здания и оказаться на парковке.

Кевин схватил рукав Жана на полпути к машине, бросив:

— Дай нам минуту, Джереми.

Джереми сразу же повернулся к нему:

— Давай, я слушаю.

Когда Кевин жестом указал на себя и Жана, на что Нокс поднял подбородок и уставился на Кевина. В его позе и тоне не было ничего агрессивного, но Жан услышал лёгкий вызов в его словах:

— Конечно. Посмотри мне в глаза и скажи, что это не доставит никаких проблем моей команде, и я подожду в машине, пока вы двое всё обсудите. Можешь мне это пообещать?

Колебания Кевина были тем ответом, который нужен был Джереми, и тот повернулся к Жану:

— Очевидно, что это не то, о чём кто-либо из вас хочет говорить, и я хотел бы уважать ваше право на конфиденциальность. Но всё, что здесь

происходит, касается всех нас, так что давайте найдём способ справиться с этим вместе.

Жан уставился через парковку:

— Ты не знаешь, о чём просишь.

— Ты попросил меня помочь тебе пережить то, что будет дальше, и это часть нашей сделки, — сказал Джереми. — Я стою здесь как твой друг и твой капитан, и я прошу тебя быть честным со мной. Посмотри на меня, Жан, — сказал он и дождался, пока Жан не вернёт внимание к его лицу.

— Ты можешь мне доверять или нет? Мне нужно знать.

Нет – было самым простым ответом, но это бы не помогло ему избежать разговора, и Жан также знал, что это не правда. Он тихо изучал Джереми, этот крашенный блондин, солнечный капитан, который мог заставить Кевина подчиниться, не поднимая голоса или руки. Вероятность, что Джереми пожалеет о том, что полез в это дело, была крайне велика, но имел ли Жан выбор на самом деле? Скажи он ему сейчас или когда начнется суд над Натаном, Джереми получит одну и ту же версию правды. От того говорить вслух не становилось легче, но Жан, не сводя глаз с Джереми, произнёс: "Мои родители были деловыми партнерами Натана Веснински."

На мгновение повисла удивлённая тишина, и затем Джереми спросил: "Так называемый Мясник? Отец Нила? Этот Натан Веснинский?" На напряжённое кивание Жана он взглянул мимо них на студию и сказал: "Держи эту мысль в голове – это не то, о чем нам следует говорить здесь. Давайте выйдем, прежде чем они заподозрят что-то неладное."

Жан ожидал, что его будут заваливать обвинениями весь обратный путь к дому, но Джереми ничего не сказал, пока они не приблизились к своему району. Когда улицы начали выглядеть знакомо, Джереми спросил:

— Ты хочешь сделать это дома или на корте?

Со свидетелями или без, подразумевал он, но единственное, что было хуже, чем вообще вести этот разговор, это повторять его несколько раз.

— Дома.

Джереми принял ответ без споров и свернул, чтобы довести их до дома Лайлы. В течение нескольких секунд после того, как он припарковался у подъезда, входная дверь открылась. Кэт и Лайла вышли на веранду, чтобы поприветствовать их. Приветствие Кэт было радостным, но в глазах Лайлы, когда она перевела взгляд от Кевина к Жану, читалась настойчивость. Она искала признаки того, что они вышли сухими из воды, предположил Жан. Жаль, что ему придется ее разочаровать. В последний раз девушка остановилась на Джереми, и выражение её лица стало мрачным.

— Насколько плохо? — спросила она, поднимаясь по лестнице.

— Сначала кофе, — сказал Джереми. — Дай мне его приготовить.

Кевин переоделся до того, как Джереми забрал его из отеля этим утром, так что у него не было с собой сменной одежды, но Жан направился в свою спальню, как только прошел мимо Кэт. Он знал, что это его воображение, что на костюме не могла остаться запаха студии, но ему нужно было вылезти из него и надеть что-то другое, прежде чем он сдерет с себя кожу. Он почувствовал небольшое сопротивление, когда выдернул руку из второго рукава, но понял это слишком поздно, зацепившись за бледные пуговицы рубашки. Вид цепочки Рене, лежащей на полу, заставил его сердце пропустить удар. Он схватил её неуверенными пальцами, ища место разрыва. Цепочка порвалась прямо у застежки, оставив оба кольца зацепленными вместе на одном конце.

— Эй, — Кэт слегка потянула за волосы на затылке, когда подошла к нему. — Ты в порядке? Кевин уже снова пьет, и даже Джереми выглядит напряженным. Я так понимаю, интервью прошло не очень хорошо.

— Ханна Бейли – гнилая сука.

Брови Кэт взлетели вверх.

— Скажи мне, как ты на самом деле себя чувствуешь.

Всё веселье исчезло, когда она лучше рассмотрела его лицо. Девушка на короткое мгновение сжала руку Жана:

— Я уверена, что всё не так плохо, как ты думаешь. А если и так... Ну, нам уже приходилось за эти годы сглаживать углы и заметать собственный след. И с этим справимся, так или иначе. Ох, твой крестик!

Он перевернул его в вытянутую руку, и она задумчиво зажужжала, осматривая его:

— Цепочка безвозвратно потеряна, но у Лайлы должно быть что-то достаточно тонкое, чтобы заменить ее. Я могу взять это, пока ищу?

— Да, — сказал он, и девушка быстро ушла.

Жан не спешил следовать за ней, но ему не нужно было, чтобы кто-то еще пришел искать его. Он поменял свои брюки на темные джинсы, прежде чем начал рыться шкафу. В конце концов он остановился на черной футболке Университета Южной Калифорнии, которую Джереми купил ему в мае. Может быть, когда правда откроется, им не понравится что он носит её, однако был небольшой шанс, что знакомый логотип на подсознательном уровне сделает их спокойней. Жан бы сейчас воспользовался любой возможностью, чтобы хоть немного улучшить исход их будущего разговора. Объёма кофеварки не хватало, чтобы кофе досталось каждому, однако возражений по этому поводу ни у кого не возникло. Эндрю не хотел от них ничего, Кевин пил чистую водку из стакана, а Кэт выбрала пиво, когда увидела, как много Кевин выпивает. Кухня была слишком чистым местом для этого разговора, поэтому, когда они получили свои напитки, то направились по коридору в гостиную. Жан не был уверен, было ли это намеренно, но они с Джереми были последними, кто ушел. Джереми прислонился к столешнице, пока Жан наливал себе кофе, и осторожно коснулся пальцами локтя Жана. "Мне жаль," — сказал он. Хотя все остальные были в дальнем конце коридора, он говорил так, чтобы его слышал только Жан.

— Мне не хочется поднимать эту тему в тот же день, когда тебе так старались причинить боль, но я таких знаю. Она не собирается ничего вырезать, если такова цена за то, чтобы быть первой, кто сообщит о случившемся, по эту сторону океана.

— Ты защищаешь своих Троянцев.

— Ты один из моих Троянцев, — напомнил ему Джереми, тихо и настойчиво. — Я не выбираю их вместо тебя. Мне нужно, чтобы ты это знал. Я пытаюсь позаботиться о нас всех.

Жану пришлось отступить, чтобы Джереми наконец смог налить себе кофе. Боль, зародившаяся в его груди, теперь застряла в горле, как кипящий узел. Он знал, что должен сказать им, и знал, что не может сказать, не убив при этом себя. Жан провел два месяца, хороня мысли об Элоди за всем, что мог найти, только для того, чтобы Ханна вонзила лопату прямо в ее гноящийся могилу. На мгновение Жан почувствовал себя далеко отсюда, и в своем отчаянии он протянул руку. Моро положил руку на грудь Джереми, когда тот сделал первый шаг к двери.

— Джереми, — сказал он, и это звучало так похоже на "пожалуйста", что Джереми застыл словно камень. — Не спрашивай меня о ней. О чём и ком угодно, кроме нее.

Джереми уставился на него, выглядя более чем немного потерянным. Жан не мог произнести ее имя, но Джереми не имел ни малейшего представления, о ком говорит Жан.

Жан взглотнул, с трудом сдерживая прилив желчи, который слишком сильно напоминал кровь, и сказал:

— Моя сестра. Я не могу...

Терзавшая грудь паника угрожала разорвать его на части, и Жан отвел взгляд, когда взгляд Джереми приблизился. Лучшее из всего, что смог сказать Жан, было:

— Я не могу говорить о ней. Я не буду.

Он будто слышал тихое “мне жаль” от Джереми, но его сердце стучало так громко, что ему могло показаться. Жан вонзил ногти в грудную клетку, пытаясь заставить сердце биться спокойнее, и изо всех сил попытался унять горечь. Джереми ждал вместе с ним, но был достаточно милосерден, чтобы отвести тяжелый взгляд в другую сторону и ничего больше не говорить. Жан всё равно закрыл глаза, ища воображаемую коробку, в которую можно было бы запихнуть свои кошмары. Он представил, как закрывает и обвязывает её цепями, слой за слоем, пока под ними не перестанет проглядывать дерево. Проблема, отложенная на потом, с надеждой, что «потом» никогда не наступит. Он почувствовал себя более уверенно, когда открыл глаза: “Я готов.” Джереми не был достаточно грубым, чтобы спросить, уверен ли он, но всё-таки вывел его из комнаты. Кевин занял дальний угол дивана, в то время как Эндрю сидел, скрестив ноги, на подоконнике, откуда мог наблюдать за всеми. Лайла заняла свое кресло-чашу, а Кэт села на пол перед ней, рукой возясь с клубком запутанных ожерелий. Девушка подняла его, когда они вошли, и сказала:

— Я стараюсь изо всех сил, но, похоже, Лайла не знает, как пользоваться шкатулкой для украшений. Нашла это в пакетике под раковиной.

— Упс, — протянула Лайла, ничуть не раскаиваясь.

Джереми жестом предложил Жану занять место первым, и Жан выбрал другой конец дивана. Между ним и Кевином оставалась подушка, и как Моро предполагал, сюда и сядет Джереми, но тот опустился на колени на дальней стороне кофейного столика. Жан подумал, что если он хотел смотреть в глаза и Кевину, и Жану, не поворачиваясь при этом из стороны в сторону, это место действительно подходило наилучшим образом.

Джереми последовал примеру Жана, осушив кружку на половину. Когда он поставил её на стол, прозвучал окончательный звон. Джереми подождал ещё момент, прежде чем задать вопрос: «Почему Нил приехал в Лос-Анджелес в июне?» — предназначавшийся скорее Жану, но не злился на то, что Кевин оказался немного быстрее.

— Он должен был встретиться с ФБР, чтобы обсудить проблемы с расследованием по делу своего отца. Мы ошибочно предполагали, что он поедет для этого в Балтимор, — добавил Кевин, косо глядя на Жана. — Почему встреча прошла здесь, мне непонятно.

— Потому что здесь Жан.

ДжерEMI повернул голову к Кэт и Лайле, подразумевая, что следующие слова будут сказаны для них, но задержал взгляд на лице Жана, говоря:

— Потому что родители Жана работали с отцом Нила, предполагаемым Мясником.

— Не предполагаемым, — сказал Жан, даже когда удивленное “что?” Кэт чуть не взорвало его уши.

Одновременно девушки обернулись к нему: Лайла выглядела удивленной, а рот Кэт был открыт так широко, что удивляло, что она не вывихнула челюсть. Кэт первой обрела голос, но всё, что она сменила, это было резкое: “Ты не серьезно”.

Жан медленно пробирался через истину, ища ответ, который мог дать им, и детали, которые лучше объясняли это фиаско Кевину. С пустым взглядом он повернулся к ДжерEMI: “Нехорошие люди, задавались вопросом, почему Нил вернулся из Эвермора другим. Он провел годы в бегах: для него отбросить свою маскировку, когда его команда являлась предметом обсуждения всей страны, было непростительно безрассудно.”

— Нил считал, что если они слишком долго будут смотреть на Эвермор, то они неизбежно выйдут на меня. Он пришел сюда, чтобы предупредить меня и нанести превентивный удар. Куда бы ни пошел Нил, за ним последует ФБР. Мы хотели выйти из тени на своих условиях, а не быть ослеплёнными в будущем.

Лайла первой собрала все детали воедино вместе:

— Ты был с ФБР, когда Грейсон умер. Местный офис поручился за тебя перед полицией Лос-Анджелеса.

— Да.

Джерemi посмотрел на своих друзей, а затем наконец объяснил:

— Родителей Жана арестовала Интерпол несколько часов назад. Это еще не попало в наши новости, но штат работников Бейли, должно быть, отметил его семью, когда исследовал биографию для интервью. У них был франкоговорящий человек на месте, чтобы помочь с переводом, если Жану это понадобится, и она нашла статью на сайте иностранной прессы.

— Она не спрашивала тебя об этом, — заключила Лайла. Она увидела нужный ей ответ на лице Жана, и резкость в ее голосе была полна праведного гнева. — Даже не предупредила?

Жан держался за свою кружку, как за спасательный круг, и смотрел на свой темный кофе. Прошла минута, прежде чем он подумал, что может положиться на свой голос, и тогда лучшее, что он мог предложить, было:

— Я пообещал, что не буду портить репутацию Троянцев, но я просто ушёл оттуда. Я извинюсь перед тренером Риманном, как только смогу.

— Ты не нападал и не оскорблял ее, — отметил Джерemi. — Даже твой гнев, когда она сделала тот ужасный комментарий о Зейне, сыграет тебе на руку, так как это был искренний всплеск эмпатии. Никто, связанный с нами, не посчитает твоё сегодняшнее поведение некорректным.

— Я рад, что ты вышел, — подчеркнул он, когда Жан не отреагировал. — Было невероятно жестоко с ее стороны так внезапно сообщить тебе об этом. Вы договаривались говорить о другом.

Кэт всё ещё смотрела на Жана:

— Твои родители – французские гангстеры? Seriously?

— Да, — сказал Жан.

— Не пойми это неправильно, но что ты здесь делаешь? — спросила Кэт, перебрасывая свой клубок цепочек из руки в руку, пока искала новый свободный конец, за который можно было бы зацепиться. — Почему они позволили тебе приехать в Америку, где не могли следить за тобой? Учитывая то, как они обошлись с тобой и что сделали, это либо серьезный самообман, либо невероятное доверие: думать, что ты сохранишь их секреты, находясь так далеко.

Нил придумал эту часть истории, хотя никто не мог сказать, выдержит ли она проверку.

— Трудно управлять империей с ребенком, путающимся под ногами, — сказал он. — Я был обузой, потенциальным предметом торга, который можно было украсть и использовать против них. Мне редко разрешали покидать дом, если это не было необходимо для игр и тренировок, мне было запрещено общаться с кем-либо вне команды. Для них было бы лучше, если бы я просто исчез. Если я буду держать язык за зубами и отправлять деньги, заработанные после выпуска, домой, они никогда не придут за мной.

— Два ребенка под ногами, — сказала Кэт, нахмурившись из-за несоответствия в его рассказе. — Ты сказал мне, что...

— Кэт.

Это был Джереми, говорящий в тоне, который не терпел возражений:

— Давай не будем.

Кэт бросила на него удивленный взгляд, но решила, что благоразумней будет смолчать. Жан знал, что она разберется с этим сама, и он мог только молиться, чтобы она пошла к Джереми, а не к нему за ответами. Он сжал свою кружку, пока не подумал, что она может треснуть между его ладонями.

Джереми выиграл время, обратившись к Кевину, но на вопрос, который он задал, у Кевина не было заготовленного ответа:

— Ты знал о них?

— Он узнал на банкете прошлой осенью, — сказал Жан. — Нил и я узнали друг друга и запаниковали. Мы были слишком заняты тем, чтобы понять, в безопасности ли мы друг с другом, чтобы вспомнить, что Кевин тоже может говорить по-французски.

На минуту в комнате воцарилось неловкое молчание, пока каждый из них обдумывал свои мысли, а затем Лайла сказала:

— Это не то, о чем стоит говорить в непринужденной беседе, и ты знаешь нас всего три месяца. Я не могу упрекать тебя за то, что ты не сказал нам.

Она позволила словам раствориться в пространстве комнаты, прежде чем продолжить:

— Ты сказал, что это может вылиться в плохую историю. Как мы можем помочь?

— Я не знаю, — признал Жан.

— У меня есть люди, с которыми можно поговорить, — пообещала ему Лайла. — Я позабочусь о том, чтобы ты был в безопасности.

Жан не понимал, но Кэт не могла больше сдерживаться. Это был именно тот тип сплетен, который мог бы занимать её целыми днями, и блеск в её глазах был безудержным увлечением:

— Не предполагаемым, как ты сказал. Значит, ты встречал Мясника раньше? Ай! — пожаловалась она, когда Лайла стукнула её по виску. — Мне что, нужно спрашивать о его семье вместо этого? ‘Эй, Жан, вау, каково это было?’ Мы видели его без одежды, Лайла, мы знаем ответ на этот вопрос.

Она помахала рукой у себя на груди, указывая на шрамы, которые Жану оставил отец: “Я пыталась быть тактичной.”

Жан слушал её вполуха, пока его мысли блуждали. Официальная версия, на которой он и Нил остановились, заключалась в том, что он встретил Веснински во Франции, когда был ребёнком, но Жан никогда не встречался с Натаном лицом к лицу. Он знал, что Мясник приходил в Эвермор много лет назад, когда Мориямы только приняли Кевина к себе с распростёртыми объятиями. Жан не встречал его, но он встречал личного убийцу этого человека, Лолу Малкольм. Он всё ещё помнил, как непринуждённо она держала себя, будто Хозяин и Рико стоили меньше, чем каблуки, на которых она шагала. Жан находил это ужасно оскорбительным, пока Хозяин не уступил ей без колебаний. Если Лола хотела забрать Натаниэля, Хозяин дал ей слово, что Вороны откажутся от всех прав на него и не будут мешать. Наблюдая такое безусловное подчинение, Жан ещё неделю не мог нормально спать, питая к ней животный страх. Рико считал это победой, несмотря на яростный гнев его дяди, поскольку Нилу гарантировалась медленная и мучительная смерть.

— О, так ты действительно встречал его, — сказала Кэт.

Жан не был уверен, что она увидела на его лице, но он смог выдавить грубое: “Да.”

Кевин закончил свой напиток и потянулся к бутылке. Жан схватил его за запястье, так что хрустнули кости, и сказал:

— Я вылью его тебе на голову.

— Ты знаешь, что для студентов нормально время от времени выпивать, верно? — спросила Кэт, поднимая свою банку с пивом и покачивая ею в его сторону. — Однажды тебе действительно стоит попробовать немного, или, может быть, чуть-чуть...

Она сделала щипковый жест возле рта, который, он предположил, означает сигареты. Девушка не испугалась взгляда, который он ей бросил, но сказала:

— Что-то, чтобы снять напряжение, прежде чем ты выгоришь. Я знаю кое-кого со справкой.

Кевин попытался вырваться, и Жан обернулся, чтобы сердито уставиться на него. Кевин смотрел на Жана с неприкрытым весельем. Он был давно и по-настоящему пьян, что только больше портило настроение Жана. Моро с упрёком ткнул его пальцем:

— Ты Королева американского Экси... пока что. Как долго ты сможешь удерживать этот статус, продолжая травиться?

— Всегда, — пообещал Кевин. — Последний человек, который пытался отобрать его у меня, умер. Шах и мат.

И если бы злое удовлетворение в его голосе было недостаточно жестоким, Кевин имел наглость улыбнуться. Жан отпустил его, будто сильно обжёгся. Он схватил свою пустую кружку, вставая с дивана, и покинул комнату, чувствуя острую потребность в том, чтобы создать пространство между ними, прежде чем он попытается выцарапать Кевину глаза.

Он не хотел больше кофе, но приготовление еще одной порции занимало трясущиеся руки. Жан сдался прямо перед тем, как нажать на кнопку старта и вместо этого начал рыться в шкафчиках. Вид еды оставил делал ему не по себе, вызывая тошноту. Он закрыл дверцы и снова повернулся к кофемашине, только чтобы осознать, что он больше не один. Он не слышал, как Кевин вошел, из-за стука в висках, но Кевин сидел на среднем стуле у кухонного островка. Он наполнил свой стакан перед тем, как покинуть гостиную, и потихоньку отпивал из него, наблюдая за Жаном. Моро хотел выбросить его в окно.

— Ты должен быть выше этого, — тихое обвинение Жана.

— Ты всегда знал, кто я такой.

Кевин был подопечным Мориям на протяжении большей части своей жизни: проводя почти все летние каникулы в раннем детстве с Рико, пока его мать путешествовала, а затем, как только Кэйли Дэй была исключена из уравнения, переезжая к ним окончательно. Как только двери клетки захлопнулись, ему было запрещено ставить даже перегородку между собой и любимым, ненавидимым братом Рико вплоть до той ночи, пока Рико наконец не выбросил

его. Он рос с безжалостным насилием Хозяина, будучи первым телом, на котором Рико мог взрастить зачатки своей жестокости. Частые публичные появления, требуемые от пары Воронов, могли сдерживать ножи Рико, но не его душегубство: большинство шрамов Кевина были врезаны в его сердце и разуме. К тому времени, как Жан был брошен к ногам Рико, Кевин овладел искусством создания ментальных стен между собой и всем, что делал Рико.

Жан ненавидел его в течение месяцев. Неспособный остановить садизм Рико, со строгим запретом покидать комнату, Кевин просто отступил так далеко, как мог, и притворился нормальным, споря о тренировках по Экси и статистике, пока Рико впечатывал ожоги в бледную кожу Жана. Безжизненная кукла, которая выживала, привязывая всё, чем она была, к своей мечте, или так думал Жан, пока в тот день Кевин не наклонился и не попросил научить его французскому. Это был первый намек на то, что у него всё ещё есть собственная личность, что какая-то часть Кевина Дэя существует отдельно от Рико Мориямы. Это было доказательство того, что выжить в Эверморе возможно. Жану просто нужно было отпустить и перестать бороться.

Теперь же они оба были свободны – по крайней мере, от Рико – но Кевин все равно делал всё что мог, чтобы избежать осмысления ужасов Гнезда. Жан не должен был винить его за это, наблюдая, как отчаянно он борется, чтобы удержать свои собственные кошмары на расстоянии, но из них двоих Кевин всегда был сильнее. Защита Кевина была непоколебима до тех пор, пока Рико не сломал ему руку, а затем она рассыпалась в прах.

Почему он обратился к водке вместо того, чтобы восстановить эти стены, Жан не знал. Возможно, обломков оказалось слишком много для того, чтобы что-то на них возводить, но Жан не был обязан любить это решение. Если Кевин так далеко от Рико и Эвермора и всё еще не может встретиться лицом к лицу с тем, что когда-то пережил и сделал, какая надежда есть у Жана?

— Ты должен быть лучше, — настаивал Жан.

— Мы то, чем они нас сделали, — сказал Кевин. — Это неизбежно.

Жан подошел к нему и положил руку на поверх стакана Кевина.

— Почему ты вообще рассказал этому врачу все наши секреты, если собирался уничтожить себя так?

— Сначала тренер держал меня в своем кабинете три-четыре дня в неделю, — сказал Кевин. — Хранить молчание было бы большим безумством, чем сказать правду.

— Папа, — усмехнулся Жан.

Кевин немного ссутулил плечи.

— Это... это звучит неправильно.

Жан попытался забрать стакан, но Кевин удержал его обеими руками.

Жан бы потянул, но Кевин бросил на него оборонительный взгляд и сказал:

— Я не знаю, выжил бы я после своего перевода без нее. Но бывают дни, когда ее слов недостаточно, и я не могу услышать ее за... — Он рискнул отпустить стакан, чтобы постучать пальцами по виску. — Лучше вообще не думать.

— Ты дурак.

— А что ты ей сказал? — с тихим вызовом спросил Кевин.

Взгляд, который он бросил на Жана, говорил о том, что ему не нужен ответ, но Жан все равно отвел взгляд. Кевин позволил молчанию повиснуть между ними на минуту, затем вонзил ногти так сильно, что его костяшки побелели.

— Я всё ещё могу его слышать. А ты?

— Не надо, — Жан вырвал руку Кевина и прижал ее к кухонному островку. — Мы не будем говорить о нем. Я не буду. Я не могу.

— Даже со мной?

— Тем более с тобой, — сказал Жан. Кевин нахмурился, но Жан отказался верить, что он удивлён ответом. — Я не могу доверить тебе свои слова. Ты признался своему врачу, своему отцу и своей команде. Как много времени пройдёт, прежде чем твоя правда затронет мою? Ты не можешь этого отрицать, ты разрушительный мерзавец. Ты сказал им, кто сломал твою руку.

Он вонзил свои ногти в тыльную сторону руки Кевина, требовательно спрашивая:

— О чём ты думал?

— Я знаю Джереми гораздо дольше, чем ты, Жан.

— Дело не только в нём, — возразил Жан. — Кэт и Лайла были там.

— Ты им не доверяешь, — заключил Кевин.

Жан запнулся, и Кевин воспользовался его молчанием, чтобы настойчиво продолжить:

— А я могу, потому что он может, и потому что я знаю, как важна для него Дермотт. Я не боюсь того, что она знает или не знает обо мне. Она не может предать его, так что она никогда не предаст меня.

Кевин потянулся за своим напитком, но Жан схватил его первым. Он вылил его в раковину, отодвинул чашку, чтобы помыть позже, и достал чистый стакан из шкафа. В холодильнике была фильтрованная вода, свежая и холодная, но Жан был достаточно раздражён, чтобы наполнить стакан из крана.

— Справедливо, — сказал Кевин, когда Жан поставил его перед ним. — Поговори с Бетси.

— Я на это не подписывался.

Когда Кевин ничего не сказал, Жан настоял:

— Ты не мой капитан и не мой партнёр. Ты не можешь заставить меня.

— Да, я могу, — ответил Кевин. Невысказанное: ты не можешь мне отказать.

— Я тебя ненавижу.

— Иногда так и есть. Мне всё равно.

Жан сердито посмотрел на него, ища выход из этой ситуации, и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда Кэт постучала в дверной проём. Она перевела взгляд от него к Кевину, оценивая настроение в комнате, держа в руках тонкую серебряную цепочку. Крест Рене блестел на свету, медленно вращаясь, и Жан подошел к двери, чтобы встретить Кэт. Вместо того чтобы отдать ее, она сама расстегнула крючок и потянулась, чтобы застегнуть цепочку на его шею. Жан слегка потянул крестик, чтобы проверить крепление, но он только успел сказать “спасибо...”, прежде чем Кэт обвила его шею руками.

Девушка обняла его медленно и яростно. Утешение за то, что он выжил после утренней засады, подумал он, за исключением того, с каким отчаянием чужие пальцы впились в его плечи. Это была печаль, осознал он. Она сама собрала все детали воедино или потребовала правду от Джереми пока его не было.

Жан хотел оттолкнуть ее, потому что как он мог игнорировать эту ужасную боль, если Кэт обратила на нее внимание? Вместо этого он вдавил свои пальцы в ее спину, зная, что, должно быть, причиняет ей боль, но не находил сил её отпустить. Она пахла жасмином с ванилью, не ежевикой и морской солью. Жан зацепился за это, чтобы удержаться здесь в настоящем, даже когда сердце хотело поглотить его целиком.

— Мне жаль, — сказала она. — Мне не следовало спрашивать. Я не знала, что её больше нет.

Скучающий голос Стюарта преследовал его: “Это мягко сказано.”

— Не надо, — сказал он, спрятав лицо в ее плечо.

Его сердце колотилось слишком быстро, поэтому Жан сосредоточился на ритме сердца девушки, ощущаемом через кожу, и начал считать, возвращая себя

обратно в реальность. Казалось, прошла вечность, прежде чем он смог ослабить хватку, и Кэт медленно отпустила его. Она оставила длительный поцелуй на его скуле, прежде чем отступить в сторону.

Она коснулась креста Рене, который теперь находился чуть ниже на его груди, и прочистила горло, прежде чем сказать:

— Лайла говорит, что ты можешь оставить цепочку себе, если хочешь. Если не нравится длина, мы можем выбрать лучше, когда в следующий раз пойдём по магазинам.

— Спасибо, — сказал он. — Так хорошо.

Кэт кивнула и посмотрела между ними.

— Ты готов вернуться? Джереми нужно связаться с тренером. Вероятно, ему придётся сделать несколько звонков, — предупредила она его, с тенью извинения на лице. — Мы не получили финальную версию монтажа, которая выйдет в эфир, но как только мы узнаем, как она всё выставила, нам придется пересмотреть план действий.

Возможность остаться здесь с Кевином казалась таким же ужасным вариантом, как обсуждать это всё по новой, но откладывание последнего спасло бы его лишь на некоторое время.

Жан показал жест "окей" в сторону двери, и Кэт отступила в сторону. Вместо того чтобы пройти за ним в коридор, она быстро похлопала его по спине и пошла отвлекать Кевина.

Когда Жан добрался до гостиной, Эндрю уже не было на месте, а Джереми переместился на диван. Лайла встала при приближении Жана, быстро сжала его руку и ушла. Жан опустился на подушку рядом с Джереми и уставился на темный телевизор.

— Хочешь, чтобы говорил я? — спросил Джереми. — Сейчас тебе придется ответить на любые вопросы, но если тебе некомфортно

говорить с тренером напрямую, я могу повторить ему то, что ты мне сказал.

— Просто поправь меня, если я ошибусь, — добавил он, ожидая короткого кивка Жана.

— Хорошо.

Может быть, Джереми предупредил Риманна о том, что им нужно поговорить, или, возможно, тренер просто держал телефон под рукой на случай, если интервью пройдет плохо. В любом случае, он ответил на звонок в середине первого гудка. Джереми поставил телефон на громкую связь, но держал его близко к лицу, а Жан позволил своему взгляду блуждать по комнате, пока Джереми объяснял ситуацию Риманну.

Он начал издали, повествуя об её заинтересованности в истории Грейсона, её мерзкой спекуляции относительно Зейна, прежде чем наконец перейти к рассказу о семье Жана.

Риманн не проронил ни слова, пока Джереми говорил. Жан мог только представить, в какой ярости был тренер, узнав, что Кевин и Ваймак свалили такую кучу проблем на его плечи без всякого предупреждения. Разумным решением для Троянцев было бы перевести его в другое место, прежде чем его ухудшающаяся репутация опозорит их, но, возможно, они решили бы сохранить лицо и деньги, оставив его в качестве запасного игрока. Они могли бы выставить себя терпимыми и поддерживающими, обставив всё так, чтобы он не запятнал их имя ещё больше. В любом случае...

— Моро, — сказал Риманн.

— Да, Тренер.

— Ты в порядке?

— Да, Тренер.

— Сегодня у тебя один из редких дней откровенностей, — сказал Риманн, звуча устало. — Постарайся не прерывать серию, пожалуйста. Я спросил, в порядке ли ты.

Жан сжал свои руки так сильно, что у него заболели костяшки.

— Да, Тренер.

После болезненного взгляда, который Джереми бросил на него, Жан добавил:

— Спасибо, Тренер.

Это все еще не был тот ответ, который ждал Джереми, судя по его тихому вздоху, но тот только выставил руку и слегка потянул за его запястье, пока Жан не ослабил хватку. Жан попытался снова:

— Простите, тренер.

Риманн не давил.

— Я не уверен, были ли у тебя планы на послеобеденное время, учитывая, что Кевин в городе, но, вероятно, лучше оставаться поближе к дому, пока всё не устаканится. Есть идеи, когда вам отправят финальный вариант?

— Передача должна выйти в двенадцать тридцать, так что, думаю, к полудню она отправит нам копию, — сказал Джереми и наклонил свой телефон так, чтобы он и Жан могли видеть время.

Сейчас было чуть больше одиннадцати.

— Если хотите, я перешлю файл вам, когда он будет у нас на руках?

— В ту же секунду, как придет, — подтвердил Риманн. — Я начну разговор с моей командой и советом директоров. Между тем мне нужно, чтобы четверо из вас связались со своими товарищами по команде. Не думаю, что вы хотите отвечать на звонки весь оставшийся день, так что какие детали вы им откроете остаётся на ваше усмотрение, но их хотя бы нужно предупредить, что какое-то время к нам будет повышенное

внимание, чтобы они знали, что нужно держать голову низко. Мы с тобой можем связаться после того, как увидим, сколько она выдаст.

Джереми кивнул:

— Я дам вам знать, когда мы что-то услышим от Нила.

Хорошо. Если кто-то попытается получить комментарии, улыбайтесь и отправляйте их восвояси. Отправьте их к властям, если они продолжат, но держите журналистов подальше от Жана, чего бы это не стоило.

Он ждал подтверждения, прежде чем сказать:

— Мне ещё многое нужно сказать по этому поводу, но давайте займёмся делом, пока есть такая возможность. Дайте знать, если кому-то из вас что-то понадобится.

— Будет сделано, — сказал Джереми и повесил трубку.

Нокс забрал блокнот и ручку по пути на кухню, и ему понадобилось всего несколько минут, чтобы придумать самый быстрый способ предупредить сокомандников. Кэт обладала каллиграфическим почерком, поэтому она была назначена ответственной за переписывание черновиков, пока Лайла и Джереми предлагали различные варианты. Жану пришлось задержаться, чтобы одобрить финальную версию, а затем он и Кевин были отправлены к себе, пока троица делила Троянцев между собой.

Жан не был уверен, чем можно заняться, поэтому он повел Кевина в кабинет и включил одну из игр Троянцев на своем ноутбуке. Он не знал, как много они смогут посмотреть, прежде чем их снова позовут на кухню, но так они хотя бы не рисковали снова вступить в конфронтацию.

Во время загрузки Кевин отвлекся, и схватил желтый напульсник, который Жан положил на полку. Немного нахмурившись, он повертел повязку между пальцами, пытаясь разобраться в ее предназначении. Жан забрал напульсник, не потрудившись объяснить, откуда он взялся, и быстро бросил в ящик своего стола. Когда Жан закрывал ящик, Кевин схватил его, желая остановить. Его

свободная рука быстро пролезла внутрь и показалась вновь с одной из открыток, которую Жан там спрятал.

Моро продолжал смотреть на экран компьютера, пока Кевин уставился на испорченную открытку в своей руке. Он медленно отложил ее в сторону и сделал это только для того, чтобы вытащить еще две. Жан не собирался сидеть здесь, пока он проверял каждую из них, поэтому наконец сказал: “Они все такие.”

Кевин бросил открытки в сторону и пошел за вторым стулом стоящим за одним из других столов. Он опьянел достаточно, чтобы быть утратить чёткость движений, и после того, как уронил его во второй раз, решил просто протащить его до конца.

— Они всегда были конченными мудаками. Никогда не понимал, почему кто-то из них тебе нравился.

— Ты бы и не понял, — сказал Жан. — Твой мир вращался вокруг вас двоих: в твоей жизни не было ни места, ни времени для них. Но я их знал.

— Или думал, что знал, — прозвучал холодный ответ.

Жан проигнорировал его, переключаясь на загрузившуюся игру. Этого было достаточно, чтобы заставить Кевина замолчать на минут двадцать, а затем камера на мгновение переключилась на скамейку запасных Троянцев. Джереми вел оживленный разговор с Ананьей и Шоном, пока они смотрели, как играют их товарищи по команде. При первом взгляде на Джереми Кевин недоверчиво пробормотал:

— Юридический.

— Он назвал это семейной традицией.

Шум, который издал Кевин, выразил его мнение об этом.

— Скорее всего, в этом стоит винить его деда.

Он больше ничего не сказал, поэтому Жан ткнул локотом в бок Кевина в немом требовании объясниться. Троянцы забили, и команды вернулись на начальные позиции. Кевин откинулся назад с удовлетворенной улыбкой, прежде чем наконец сказать:

— Арнольд Уилшир – действующий сенатор от Техаса. Об этом упоминалось в большинстве ранних интервью Джереми, и я знаю, что показывал тебе их. Ты читал хоть одно из них, или был слишком занят, восхищаясь его фот...

Жан снова ударил его локотом так сильно, как мог, и проверил пустой дверной проем.

— Я был не настолько хорош в чтении, чтобы утруждать себя таким количеством текста. Это вызывало у меня головную боль.

— Они должны были быть предупреждением, Жан. Если ты не читал их, ты пропустил всю суть того, зачем я делился ими.

Он ждал, как будто был уверен в том, что Жан спросит, какой урок он пропустил, и вздохнул, когда Жан не клюнул на приманку.

— Только не говори мне, что его семья ни разу не упоминалась этим летом.

Жан подумал о пустой улыбке Джереми, которая оставалась на нём часами после визита домой, намеке на то, что его брат Брайсон – ублюдок, и о том, как Джереми сломался, когда Джошуа написал ему в июне. Тихое “прождал этих слов целую вечность, поэтому было совсем нечестно, чтобы она сказала мне первой” оказалось достаточно резким, чтобы привлечь Жана, как ничто другое тогда не могло, но он думал, что неправильно понял, пока не увидел дом Джереми. Он был намного больше дома Лайлы, но казался таким безжизненным, что больше напоминал выставочный зал, ожидающий постановочной фотосессии, чем дом. Как кто-то настолько солнечный выжил в таком холодном месте, Жан не знал.

— Мы не говорим о семье, — сказал Жан.

Кевин только пожал плечами и позволил опустить тему. Им удалось провести следующие пятнадцать минут за непрерывным просмотром матча, а затем Кевин получил звонок из студии о том, что ссылка на финальную версию была отправлена на его электронную почту. Жан уступил свой ноутбук Кевину и пошел собирать сокомандников, но остался на кухне, когда они ушли. Когда Кэт осталась, чтобы подождать его, он только покачал головой.

— Я не хочу это видеть.

Она кивнула и ушла без споров. Жан решил почистить холодильник, чтобы хоть как-то занять себя. Он вымыл половину ящиков, когда остальные вернулись к нему. Жан слышал шуршание их обуви и скрип стульев, но сосредоточил свое внимание на работе, чтобы не видеть их лиц. Самообман работал только до тех пор, пока Джереми не подошёл и не присел рядом с ним. Жан опустил руку на бедро и ждал.

— Плохая новость в том, что она оставила часть о твоих родителях, — сказал Джереми. — Всё это смонтировано так, чтобы выглядело так, как-будто именно по этой причине интервью было остановлено, что выглядит не лучшим образом, но любой, кто не понимает, почему ты ушел, не наша забота. Остальная часть удивительно хорошо склеена, и она добавила немного комментариев в конце, где пытается разобрать некоторые из твоих ответов. Это тоже, в общем, идёт тебе на пользу. Я был прав: твоя реакция на часть с Зейном выглядит идеально для камер. Благожелательность и сочувствие, несмотря на нападки Воронов на тебя.

— Но, — протянул Жан.

Джереми помахал рукой, не решив, было ли его “но” отрицательным или нет:

— Микрофоны были на самой площадке, а не у вас. Они не могли уловить всё, что вы с Кевином говорили друг другу, но то, что они слышали, они без исключений перевели и добавили субтитры. По

крайней мере, это подтверждает, что Кевин знает правду о ваших родителях.

— И что ты говоришь по-японски, — вставила Кэт. — Я была так далека в своих предположениях.

— Интересный выбор, сначала выучить японский и только потом английский, — сказала Лайла, изучая Жана с тревожной внимательностью.

Жан не подготовил ответ на это, и он остро ощутил эту ошибку. К счастью для него, Кевин привык к тому, чтобы лгать, прикрывая Мориям, и ответил с пренебрежением:

— Неудивительно. Экси зародился в Японии, и Хозяин был японцем. Сомневаюсь, что Жан был единственным одержимым ребенком, который выучил язык вместе с правилами игры.

— Бог ты мой, — Кэт потерла свои руки. — Не называй его так. У королев нет хозяев.

Когда Кевин только повёл плечом, Кэт обратила задумчивый взгляд на Жана.

— И всё-таки интересно, что с ним случилось?

— Если нам повезет, мы никогда не узнаем, — сказал Кевин.

Он сделал глоток из своей чашки, поморщился, когда слишком поздно вспомнил, что это всего лишь вода, и бросил на Жана злой взгляд.

Джереми подтолкнул в колено Жана, прежде чем встать.

— Мне нужно проинформировать тренера. Ты готов ко второму раунду?

— Нет, — сказал Жан, но встал и смыл чистящее средство с рук.

Джереми улыбнулся:

— Ещё один звонок, и тогда мы закончим на сегодня, хорошо? Мы сделали всё, что могли на данный момент. Пусть тренер разберется с остальными последствиями без нас. Мы притворимся, что этого утра не было, и попытаемся немного повеселиться, прежде чем Кевин покинет нас ради Южной Каролины. Остальное мы можем решить завтра, да?

Жану всегда нравились такие развлечения ради эмоций, поэтому он ответил:

— Да.

Этот звонок был намного короче, так как они просто скорректировали свой предыдущий вариант, чтобы учесть то, что вошло и не вошло в монтаж. Вместо того чтобы спросить Римана, нормально ли оставлять основную часть последствий на него, Джереми просто сказал, что они будут недоступны всю оставшуюся часть дня. Этой наглости было достаточно, чтобы Жан отодвинулся от него на диване, но Риманн согласился с тем, что так будет лучше.

Затем тренер спросил: "Ты уже предупредил своих родителей?" — и легкая улыбка исчезла с лица Джереми. Нокс несколько мгновений постучал концом своего телефона по виску, затем признался: "Нет. Как только они об этом услышат, мне придется вернуться домой, а если я это сделаю, я не вернусь сегодня вечером. Кевин только на одну ночь в городе, так что..." Он замолчал, как будто ожидая спора. Когда Риман ничего не сказал, Джереми продолжил: "Я разберусь с ними после того, как посажу Эндрю и Кевина в самолет."

— Это твоё дело, — сказал Риман. — Я предполагаю, что ты выключишь свой телефон.

— Думаю, мне придется, да.

— Тогда я позвоню Лайле, если мне нужно будет с тобой связаться. Тебе нужно что-то еще от меня, прежде чем я тебя отпущу? — спросил Риман, ожидая отрицательного ответа, прежде чем подчеркнуть, — Берегите себя и присматривайте друг за другом.

Жан изучал его, пока Джереми выключал свой телефон. Это не было его делом и он не имел права настаивать: Воронам запрещалось говорить о семьях, им не разрешалось их иметь. Но он же не Ворон, верно? Он вел тихую войну с самим собой, пока Джереми не бросил на него слишком спокойный взгляд. Джереми ничего не сказал, но его выражение было выжидающим. Он знал, что Жан настраивается на что-то, но ничего не сказал, чтобы отговорить его.

Этого разрешения было достаточно, поэтому Жан сказал:

— Ты не будешь играть в Техасе, потому что там твой дедушка.

— Он не... — Джереми оборвал себя, но Жан тихо отложил это автоматическое отрицание, чтобы обдумать позже. — Он отец моего отчима, это не делает его семьей. Но да... и нет. Он живет в Вашингтоне с тех пор, как его избрали в Конгресс, так что сейчас он не в Техасе, но ему рано или поздно придется вернуться.

Познания Жана в географии Штатов зависели от того, где играют важные команды, но даже он примерно знал, где находится Техас.

— Это далеко от Калифорнии.

— Он переехал туда двадцать... один?.. — Джереми взглянул на свои руки, как будто собирался считать на пальцах, затем пожал плечами и продолжил с этой лучшей догадкой. — ... год назад, когда заболел отец его жены. Устроился в доме ее родителей и просто больше никогда не возвращался. Думаю, их культура подошла ему больше.

Джереми сдвинулся, как будто собирался встать с дивана, но колебался достаточно долго, чтобы сказать:

— Я задал тебе сегодня много вопросов, зная, что ты не хочешь на них отвечать, так что справедливо спросить: этого достаточно?

— Не мне просить тебя о большем.

— Ты мой друг. Только потому, что я не говорю о своей семье, не значит то, что ты не можешь о ней спрашивать.

— Ты мой друг, — ответил Жан, проверяя, как это звучит вслух, — и ты не хочешь говорить о них. Я не буду спрашивать.

Улыбка Джереми была медленной и сияющей, и Жан должен был отвести взгляд. Ему нужно было уйти, прежде, чем он попадет в беду, но, конечно, Джереми последовал за ним на кухню.

К счастью, там было еще трое людей, чтобы отвлечься, и Кэт была на полпути к приготовлению обеда. Еда не утолит этот терзающий голод, но Жан собрался обрести крупницы спокойствия, которое мог получить. Они почти закончили есть, когда Нил связался с ним. Браунинг пока не хотел, чтобы Жан говорил об этом, так что если кто-то надавит, спрашивая о родителях, он просто должен отвечать максимально расплывчато: арест был связан с продолжающимся расследованием, поэтому он не имел права говорить об этом. Слабая защита, но всё-таки лучше, чем ничего. Сойдясь на этом решении, Жан выключил телефон и отложил его в сторону, чтобы на время забыть о нем.

В течение нескольких часов казалось, что никакого интервью никогда не было. Троянцы и Кевин могли вести разговор без его участия, поэтому Жан с тихим интересом наблюдал, как они знакомятся друг с другом. Экси неизбежно снова и снова всплывало в разговоре, но Кэт и Лайла умело направляли Джереми и Кевина на другие темы, когда обсуждение затягивалось. Это был удивительно приятный день, пока кто-то не начал безостановочно нажимать на дверной звонок.

Они собрались в гостиной для настольных игр и разговоров, но при звуках, эхом раздававшихся в комнате, все замерли. Лайла жестом показала всем оставаться на месте, когда встала. Она исчезла достаточно надолго, чтобы проверить глазок, и вернувшись выглядела темнее грозовой тучи. С пальцем на губах она сказала: “Это Брайсон. Сидите тихо, пока я от него избавляюсь”.

Почти впечатляло, как быстро выражение лица Джереми стало отсутствующим. Жан взглянул на него, когда Лайла вышла, затем на пустой дверной проем и встал на ноги. Джереми схватил его за запястье, прежде чем тот сделал первый шаг в сторону. Жан услышал, как замки на входной двери щелкнули, когда он бросил холодный взгляд на Джереми. Он не был уверен, что может сказать, чтобы их не подслушал тот, кто стоял у двери, поэтому он наклонился к лицу Джереми и прошептал:

— Отпусти, капитан.

— Она справится, — сказал Джереми, едва ли достаточно громко, чтобы Жан его услышал.

— ...на стадионе с Кевином, — говорила Лайла из коридора. — Ты можешь подождать снаружи у Золотого Корта, если это так важно.

Высокомерный голос сказал: “Я подожду здесь”.

Жан схватил Джереми за подбородок и заставил его отвлечься от дверного проема. Джереми выглядел растерянным, как будто уже забыл, что Жан стоит рядом. Кэт не преувеличивала: Брайсон был проблемой. Жан вцепился пальцами, настаивая:

— Я твой партнер. Это моя обязанность оценивать и справляться с угрозами, направленными против тебя, а не её. Позволь мне уйти.

Дерево ударилось о плоть с тупым стуком в коридоре, за которым последовало яростное “я не приглашала тебя” Лайлы.

— Именно такой гостеприимства я и ожидал от песчаного ниг...

Джереми поспешил заговорить, перебивая ужасные слова брата:

— Мне нужно идти.

Ему пришлось отпустить Жана, чтобы встать на ноги, и Жан мгновенно вышел из гостиной.

Жан убрал Лайлу с дороги быстрым движением руки на её плече. Она была единственным, что не позволяло Брайсону войти внутрь, но Жан схватил его за грудки, когда тот, спотыкаясь, прошёл в коридор через дверной проём. У него было полсекунды, чтобы оценить его: карамельные волосы Джереми, карие глаза Джереми, те же скулы и линия челюсти – и затем он со всей силы бросил Брайсона с крыльца. Ужасный треск стекла в момент, когда Брайсон ударился о лобовое стекло машины Лайлы, говорил о том, что Жан должен ей тысячу извинений, но он не замедлил шаг на пути вниз по ступенькам.

Брайсон шипел от возмущения, пытаясь слезть с капота машины Лайлы, но Жан схватил его за воротник рубашки и снова бросил его в стекло. На этот раз он навалился на него всем весом, перекрывая Брайсону воздух.

— Будь спокоен, или я сломаю тебе шею, — предостерег его Жан, и Брайсон замер.

Лайла появилась рядом с ним:

— Успокойся.

Жан не понимал, почему он должен отпустить, но он принудительно расслабил хватку на рубашке Брайсона. Брайсон задохнулся на первом же вдохе, который ему удалось сделать, и драматично закашлялся, будто он каким-то образом забыл, как дышать. Он был достаточно глуп, чтобы попытаться сесть, поэтому Жан использовал руку на его лбу, чтобы швырнуть его обратно. Хватка Лайлы становилась болезненной, и от него не укрылось, как она быстро оглядела пустую улицу.

— Достаточно, Жан.

— Ты не знаешь, с кем связываешься, — сказал Брайсон, прожигая Жана взглядом. — Я Уилшир. Кто, черт возьми, ты?

— Я Жан Моро, — сказал Жан, и Брайсон напрягся так быстро, что чуть не сломал кость в процессе.

Это было любопытно: вызывать страх вне корта. Обычно только его соперники относились к нему с какой-либо долей страха. Жан предположил, что Брайсон смотрел интервью и слышал о предполагаемых связях его родителей. Он отмахнулся от спекуляций и сказал:

— Ты вторгаешься на частную собственность.

— Я ищу своего брата, — возразил Брайсон. — Ты напал на меня без причины.

— Он что? — спросила Лайла. — Я обещаю, что смогу найти дюжину свидетелей, которые скажут, что ты повредил мой автомобиль после того, как я не пустила тебя внутрь.

— Ты... — Брайсон потерял окончание фразы, когда Жан впечатал его в треснувшее стекло.

— Как я и сказала: жди в своей машине или уходи, — сказала Лайла. — Если ты снова ступишь на мою собственность, я запрошу для тебя судебный запрет. Мне все равно, сколько Уилширов в полиции: ни один из них не настолько глуп, чтобы верить тебе больше, чем мне.

Она ждала, чтобы посмотреть, будет ли он спорить, но Брайсон только сверлил ее взглядом. Жан про себя отметил, что нужно узнать об иерархии между их семьями после того, как он разберется, как починить ее разбитое лобовое стекло. Удовлетворенная его молчанием, Лайла жестом пригласила Жана следовать за ней:

— Оставь его. Он не наша головная боль.

— Один удар ракеткой заставит этого недоразвитого багета замолчать навсегда, — предложил Жан, но Лайла только потянула за его рубашку, пока он наконец не отступил от Брайсона.

Брайсон не сказал ни слова, когда они поднялись по лестнице и вошли внутрь. Лайла поставила дверной засов на место, как только закрыла замки, и они вдвоем вошли в гостиную. Джереми стоял пригвождённый там, где его оставил

Жан. Кэт расправила руки и ждала, взгляд ее был лишь немного слишком взволнованным для того, чтобы считаться убийственным. Лайла без колебаний заключила себя в крепкие объятия Кэт. Жан остановился перед Джереми и ждал, отводя взгляд.

— Кто-нибудь, пожалуйста, напомните мне поговорить с нашими соседями, — сказала Лайла, задыхаясь в футболке Кэт. — Мне нужно подкупить несколько свидетелей несколькими месяцами сниженной аренды на случай, если он захочет начать настоящую драку.

— Сделаю, — пообещала Кэт.

— Мы слышали треск стекла, — сказал Джереми, смотря между ними. — Все в порядке?

— Все, кто важен, — сказала Лайла, поворачивая голову, чтобы взглянуть на него. — Брайсон прыгнул на мою машину и разбил лобовое стекло в дюжине мест, но с Жаном все в порядке.

— Прыгнул, — взгляд Джереми был тяжелым, но Жан отказался ответить. — Жан?

— Контракт, который я подписал, говорит о том, что я должен представлять Троянцев должным образом на публике. Это частная собственность.

— Это тонкая грань для спора.

Он не звучал удовлетворённо, поэтому Жан проверил линию его плеч. Джереми был напряжен, но не готовился к нападению. Жан не осознавал, насколько это очевидно, пока Джереми не продолжил с усталым:

— Ты знаешь, что это так, иначе ты бы не избегал меня прямо сейчас. Я не буду лгать и говорить, что я не разочарован, но моя вина в том, что я не пошёл с тобой до двери.

Жан перевёл свой взгляд на лицо Джереми. Тот ничего не сказал, казалось, ему было достаточно изучать сдержанное выражение лица Жана, и тогда Лайла подняла голову с плеча Кэт, сказав: «Для протокола, это было самое сексуальное, что я когда-либо видела, и меня даже не привлекают мужчины. Тебе бы очень пошло увидеть эту суку униженной, Джереми.

Этого было достаточно, чтобы вызвать смех у Джереми, и на его губах появилась ироничная улыбка.

— Спасибо, что защитил её, но будь осторожнее, ладно?

— Да, — сказал Жан и последовал примеру Джереми, чтобы снова устроиться поудобнее.

Он остро чувствовал оценивающий взгляд Кевина, но Жан отказался его признать. Кевин был по крайней мере достаточно умён, чтобы ничего не сказать, и они вернулись к своей игре, как будто ничего не произошло.

[Глава 11>>](#)